

УРОКИ СОЛОГУБА

Я ПОДСЛУШИВАЛ, я подматывал, но другого выхода не было. Когда очерские энтузиасты выступают перед коллегами на всероссийских или всесоюзных конференциях, коллеги, честно говоря, вряд ли всерьез верят, будто ни один мальчишка в специальной школе для «трудных» никогда не курит и абсолютно цензурно выражается. Свидетельство: фантастика, но факт.

Ни малейших следов палочной дисциплины мною не обнаружено. Голосовые связки здешних педагогов, судя по моим наблюдениям, давно уже не напрягаются — тише всех, кстати, разговаривает сам директор, Георгий Павлович...

Увидев Сологуба, я вздрогнул. Так похож он на Сухомлинского. Те же интонации в голосе и такие же мягкие движения, тот же угловатый вид человека, для которого ежедневная усталость давно уже стала нормой и он не умеет по-другому.

...Никогда раньше не видел, как работают ювелиры. И вот, пожалуйста, причем в очень неожиданном месте. В специальной школе для «трудных». На прощание Георгий Павлович подарил мне коробочку, в которой на бархате лежал изысканный латунный крапик — его сделали на моих глазах, отрезав сначала кусок от трубы, пропустив через несколько станков. Возле некоторых стояли ящики — такие я видел в фильмах про войну: на них в те годы стояли пацаны, заменившие на рабочих местах отцов и старших братьев. Здесь, в спецшколе, мальчишки никого не заменяют — просто честно работают на школьном заводе. Бывшие дворовые атаманы, свезенные сюда со всех углов Пермской области.

Атаманы внушали не страх, но щемящее чувство жалости. Самым младшим из них — одиннадцать лет. Это как же нужно обращаться с мальчишкой в первые четыре тысячи дней его жизни на белом свете, чтобы получился не обычный четвероклассник, а затравленный звереныш.

Думаю, вы поймете меня правильно. Я не стану живописать их бывших похаживаний, и главная причина — здешние ребята тоже ведь читают, и самым внимательным образом, нашу газету. Раньше — не читали. Ни «Комсомольской правды», ни «Пионерской», ни книг. Даже про мушкетеров. А сейчас — читают.

Сологуб будит в них самоуважение, формирует представление о чести, фамильной гордости. Этим ребятам — как никому в мире — трудно любить своих непутевых родителей. Ведь это они — с самого раннего детства — недодали им столько, что лишь Герою Социалистического Труда Г. П. Сологубу и под силу отогреть эти души.

В проекте о школьной форме нет специального раздела о таких спецшколах. Да и то сказать: совсем их немного по сравнению с обычными школами. Но мне кажется глубоко справедливым тот факт, что Георгий Павлович был включен в состав комиссии, писавшей текст проекта.

Данисовые костюмчики, хоккейные формы, оркестры — да за какие же заслуги? Почему они имеют столько кружков, секций, студий, сколько и не снится обычной школе?

Им — можно. Потому что на счету школы более полу-миллиона, причем не из казны взятые, а заработанные. Честным трудом. На школьном заводе. Если по каким-либо причинам работа перестанет выпускать латунные крапики, то лесорубы ощутят явные перебои с бензопилами. И домохозяйкам придется несладко, если возникнет дефицит с электромашинками, важнейшую деталь для которых тоже производит Очерская спецшкола.

Впрочем, каждая школа могла бы позволить себе все это, имея она на счету более полу-миллиона рублей. Ребятами заработанных.

— Значит, объективно специальные школы для «трудных» поставлены в более выгодные условия? Здесь, видимо, легче наладить рентабельное производство?

— Заблуждение. Я бы наоборот сказал: уж если этих ребят удалось прихотить к труду, то и обычных — можно. Нужно. Необходимо.

— И вы всерьез полагаете, что каждая школа может, если очень захочет, иметь миллион?

Георгий Павлович посмотрел на все четыре стороны — туда, где соседняя школа, где детский дом, где училище... И ничего не ответил.

Я понимаю. Усилил все это стоило многолетним, героическим — недаром и звезду героя получил. В шестьдесят седьмом, когда его перебросили в город Очер, в спецшколу, здесь пахло чем угодно, но только не будущим, и только ветер гудел в разбитых окнах, а разбавившие парни гуляли по области и даже дальше, за Уралом. Ему, честно говоря, жалко до слез было своей школы — обычной, только-только на ноги поднятой.

— А там, в обычной школе, разве могли бы вы так же развернуться?

Георгий Павлович перебирает какие-то старые письма, говорит, аккуратно подбирая слова, — хочет быть правильным по нелогичным.

...Та, предыдущая, реформа надежд не оправдала. Видимо, оттого, что от всех школ одновременно стали требовать немедленной перестройки. Во всех школах — одиннадцатый класс, всюду — производительный труд. А условия и тогда, как, впрочем, и сейчас, у всех разные. У него, например, дело пошло

складно и резво. Про одиннадцатиклассников своих до сих пор вспоминает с любовью и гордостью, и про то, как уже тогда начали складываться у его школы самые серьезные отношения с базовыми предприятиями. Когда той, предыдущей, реформе дали задний ход, Георгий Павлович очень сожалел: у него уже многое начало получаться.

...Новичкам пока еще не за что руки пожимать. Вот этому, например, который несколько дней истерически, на одной ноте, орал: «Не дожидесь от меня никаких крапиков!». Сологуб подошел, взял мальчишку за руку, полюбостовствовал: чего ж это слабая такая ладошка-то? Крепче, крепче жми. Не можешь? Не можешь... Ладоно, потерпи — скоро и тебе придется сильным быть!

ТВОИ ЛЮДИ, ОЧЕР

Мальчишка — даром, что ора беспрерывно, — все-таки уже успел увидеть и ровесников своих, играющих на солнце могучими бицепсами, куда-то постоянно спешащих, не без драпы и безо всякого страха в глазах. А уж на 9 мая, когда их оркестр марширует вперед колонны внаремейцев — постороннему нельзя, физически невозможно, определить в колонне этот бывшую ватугу ребят, чьи судьбы — живые иллюстрации к статьям уголовного кодекса...

В его кабинете других украшений нет — только вот эти фотографии: воспитанники Очерской спецшколы на парадах в честь Дней Победы. Каждый год. 9 мая. Та же традиция. Сотни мальчишеских лиц. Осмысленные и значительные. Это их праздник. Потому что они уже пусть маленькими, но все-таки граждане. Трудящиеся.

А у Георгия Павловича свой повод считать именно этот праздник самым главным — 9 мая 1945 года он встретил и не в Берлине даже, а в Праге, где пришлось повозиться с фашизмом, который еще в конвульсиях корчился...

Я мог бы перечислить сейчас очень много фамилий людей, которые помогают Георгию Павловичу. В коридорах спецшколы встретил я педагогов самых разных возрастов — и было радостно, что рядом с очень опытными воспитателями подростки и молодые. Учительской комсомольской организации не приходится изобретать, чем бы заниматься: каждый день как на фронте...

Педагогические коллективы, подобные тому, что встретился мне здесь, — и есть главные сокровища земли нашей.

Но почему же все время ныло сердце мое, пока ходил я по городку? Убогое про-

шлое они сами стараются из памяти вычеркнуть, их кипучее настоящее унылых мыслей не навело. Но вот будущее... Да, для каждого из ребят Сологуба по два-три года успевают сделать, видимо, все, что только в силах человеческого и педагогического, а то и больше. Но не может он заменить мать каждому из ребят. Мать, она и есть мать. Пусть опустившаяся, пусть... Стоп, опускаю ручку, чтобы не вдаваться в подробности — и пусть этим женщинам давно уже наплевать на то, что говорят и думают про них окружающие, и не читают они ни «Комсомольской правды», ни «Работницы», но я не хочу, чтобы их дети снова и снова терзались... Ребята возвращаются по домам, не будучи совершеннолетними, имея за плечами лишь оптимистическую сказку Очеры — и пытаются биться со своим прошлым: оно ведь не изменилось, их окружение за те два-три года, что парень отсутствовал, это он стал другим, но не мать, не брат, не друзья по прежним компаниям. Сологуб с коллегами предпринимают отчаянные попытки помочь ребятишкам.

Пока я сидел в кабинете директора, несколько звонков междугородных раздалось — будто с поля сражения поступали в спецшколу сообщения о том, как в таком-то городке, поселке, деревне идут у выпускников дела. Воспитатели пишут на каждого из ребят подробнейшие характеристики — папущества для тех педагогов из школ и училищ, которым придется иметь дело с этими мальчишками. Каждая характеристика начинается заклином: пожалуйста, помните, что спецшкола лишь начало, процесс перевоспитания — длительный, долгодетный, старайтесь отсечь от ребят все их прежние уголовные ниточки, включайте в работу кружки, педотрядов. Эх, если бы всюду жизнь педагогическая неслась в таком же ритме, как здесь, если бы всюду за шумом станков некогда было ребятам слушать сигналы, из подворотни несущиеся. Наверное, так и будет когда-нибудь, Сологуб в это верит, и я верю, и не может быть иначе...

Но пока-то как быть? Не вписать ли в проект о школьной реформе строку, которая раз и навсегда спасла бы мальчишек: «Предоставить администрации лучших спецшкол для «трудных» право обучать и воспитывать ребят вплоть до получения ими среднего образования или до призыва в армию, если обстоятельства жизни ребят сложились таким образом, что им нелегко или опасно возвращаться».

...Бывшие выпускники часто приезжают в Очер. На проходной не предъявляют пропусков, их по лицам узнают.

Их не гонят. Сажает за обитый стол, зовут на хоккейную площадку, оставляют ночевать — а с утра мальчишка садится на автобус и долго-долго едет, с пересадками, в другой конец области. Значит, нужен ему был — как глоток воды — этот краткий визит. А визит-то, если подумать, — в места «не столь отдаленные».

Само по себе наличие поруг школы забора, отгораживающего ребят от посторонних неконтролируемых влияний улицы, среды, — еще не залог успеха. Иногда бывает совсем наоборот. Но ежели здесь, в спецшколах, находят люди, подобные Георгию Павловичу, они могут добиться фантастических успехов. Руководствуясь здравым смыслом, житейской мудростью, эти люди поступали педагогически целесообразно еще задолго до того, как мысли о труде отличились в строки проекта ЦК КПСС. Впрочем, что говорить, он и не мог без труда, без крапиков этих, без решеток для мясорубок. У него просто выхода иного не было — никто в мире пока еще не научился с помощью одних лишь книжных истин достучаться до человека, у которого к одиннадцати годам сформировалась устойчивая, яростная аллергия ко всякой учебе, к школе, к уроку, к учителю.

Признаемся честно: для многих из нас фамилия Сологуб мало что говорила до того дня, когда в газетах появился Указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. А страна должна знать своих героев. Сам он — по усталости, а то и по скромности великой — так и не собрался описать свой и жены своей Анны Максимовны (счастливый пример супруги — единомышленника — соратника), и коллег — подвиг. Ему эта книга, может, и не нужна. Он счастлив в ежедневных своих хлопотах. Но мы-то без этой книги не обойдемся.

Поэтому принимаю огонь на себя. Все, кого проблема трудных семей волнует, — инициате. И я снова сижу на поезд и сойду на станции Верещагино, а потом маленьким автобусом доберусь до кусочка земли, огороженного высоким забором. Здесь, на фоне возмужавшего детства, под шум и гомон засыпающих мальчишек, Георгий Павлович будет отвечать на наши вопросы, а я — включу редакционный магнитофон. Так, быть может, и появится его книга, которая, уверен, будет прекрасным продолжением «Педагогической поэмы».

В. ХИЛТУНЕН.
(Спец. корр. «Комсомольской правды»).